

Затем огород, затеянный Элизой. Для своего придирчивого хозяина, сказала она. И говорила она это с нежностью. Она подговорила Ангела и Люси помогать и заставляла Гаррисона есть то, что он предпочитал не есть, только чтобы убедиться, что дети тоже будут это есть.

Солнце помогло ему немного успокоиться. Так что он шел, ни о чем не думая, переставляя одну ногу перед другой. Это было довольно успокаивающе - не думать ни о чем.

Как только он почувствовал себя лучше, по крайней мере на данный момент, он вернулся в дом, чтобы прочитать письмо Волан-де-Морта. Открыв письмо, он сел на кровать. В пергаментях содержалась информация с совещаний в Министерстве, и Харрисон уцепился за переносицу.

«Политика», - пробормотал он.

Он мало чем занимался. Да и вообще, какой толк от него был в политике? У него не было для этого такта. Волан-де-Морт знал, как очаровывать толпы без использования страха и грубой силы. Он умел манипулировать словами людей в свою пользу, и Люциус тоже не был дилетантом в этом деле. Этот человек проложил себе путь на вершину, и теперь, когда он был министром, он использовал шелковые слова, чтобы улаживать взъерошенные перья.

Если честно, от Гаррисона было бы больше проблем, чем пользы. Тем не менее он прочитал записи, которые записал для него Волан-де-Морт, пытаясь быть в курсе событий.

Часть Министерства начала выступать против понятия «Повелитель кошмаров», ставя под сомнение его силы и предполагаемое бессмертие. Спустя всего десять лет они не верили, что он бессмертное существо.

Прямо как в старые добрые времена. Только теперь это представляло собой проблему: на этот раз у Гаррисона были союзники. Союзники, в сохранении которых он был заинтересован. Волан-де-Морт и Люциус, он считал их своими. Если это будет продолжаться, они понесут политический ущерб, если Министерство разделится на группы из-за этого маленького спора.

Он должен был бы начать заботиться о политике, не так ли?

Харрисон застонал в отчаянии и снова упал на кровать. Он даже не прочитал всю информацию, но суть остального уже знал.

Повстанцы. Чертовы повстанцы, все еще использующие имя Альбуса Дамблдора для борьбы с тьмой. Темные и светлые - как нелепо, что такие понятия еще остались. Темная и светлая магия. Магия была магией. Он допускал, что существуют темные заклинания, но они были темными, потому что использовались для причинения вреда людям.

Когда-то он и сам верил в это, что есть разница. Но нет, магия была тем, во что ты ее

превращал. Тем не менее люди сражались во имя светлой магии. Доброй магии. Да-да, ему говорили, что использование темных заклинаний вредит тебе, и это, должно быть, правда, потому что он действительно был поврежден, но все же... ох, почему он вообще начал думать об этом?

«Это утомительно», - сообщил он потолку.

«Что именно?»

Он посмотрел на дверь. Драко Малfoy, его Драко, прислонился к дверному проему. Он был всего на несколько лет старше Драко из этого измерения, но при этом глубоко отличался от него.

«Я ненавижу политику», - сказал ему Харрисон.

«А кто не ненавидит?» ответил Драко и вошел в комнату, засунув руки в карманы.

«А я ненавижу думать о темной и светлой магии».

«Такого понятия не существует», - сказал Драко.

«Да, я это знаю, и ты это знаешь, но не все это знают, и под не всеми я подразумеваю повстанцев, которые этого не знают. Или, по крайней мере, они отказываются это признавать».

«Они много чего отказываются признавать. Подвинься».

«Это моя кровать».

«Я знаю, а теперь подвинься».

Харрисон подвинулся.

«Ты - угроза», - сообщил он Драко, когда тот сел рядом с ним. «Надеюсь, ты это знаешь».

«Я идеален», - насмеялся Драко. «Я слышал о повстанцах. Судя по всему, они в движении».

«Разве они не всегда в движении из-за того, что наша сторона преследует их?»

«Они что-то делают, я имею в виду. Готовят какой-то план, который, как они, наверное, думают, спасет их, опрокинет Министерство и вернет старые добрые времена».

«В мои хорошие, старые дни было много убийств и хаоса», - сказал Харрисон.

«Их добрые, старые времена, когда маяком света был Альбус Дáмблдор».

«О, те дни».

«Да, те. Не то чтобы я знал их старые добрые времена. Я просто знал наши хорошие, старые дни. Не уверен, насколько они отличались».

Харрисон тоже толком не знал. В основном он знал, насколько жизнь Гарри отличалась от его собственной. Насколько лучше она была. Гарри все еще мог говорить о своих родителях, когда был меньше. Харрисон позволил ему говорить. Было не больно слушать о них, о родителях, которых Харрисон никогда не знал.

Его собственные, скорее всего, ненавидели его, если им было известно о том, что сделал Харрисон. Как с собственными друзьями, так и позже в качестве Повелителя кошмаров.

«Теперь это становится унылым», - сказал он и сел. «Разве у тебя нет надоедливых пациентов, о которых нужно заботиться, Целитель Малфой?»

«Только что вернулся домой», - сказал Драко. «Отец и мать пригласили меня на ужин».

Если Люциус и Нарцисса и находили странным присутствие в своей жизни двух сыновей по имени Драко, они этого не показывали. Вместо этого они приняли Драко Харрисона - того, который потерял своих родителей в неизвестном времени, в мире, в который он никогда не сможет вернуться. Харрисона удивило то, какой хаос он оставил после себя, и ему действительно было жаль, что Драко потерял родителей, когда они были так близки к тому, чтобы попасть в это измерение, все четверо.

«Тогда тебе лучше освежиться», - сказал он вместо того, чтобы упомянуть что-то еще.

«Тебе не будет одиноко?»

«Уверен, что справлюсь. Ты забываешь, что я провел несколько веков взаперти в камере, в полном одиночестве. Ну, я и немного капает вода. И чертовски неудобный каменный стул».